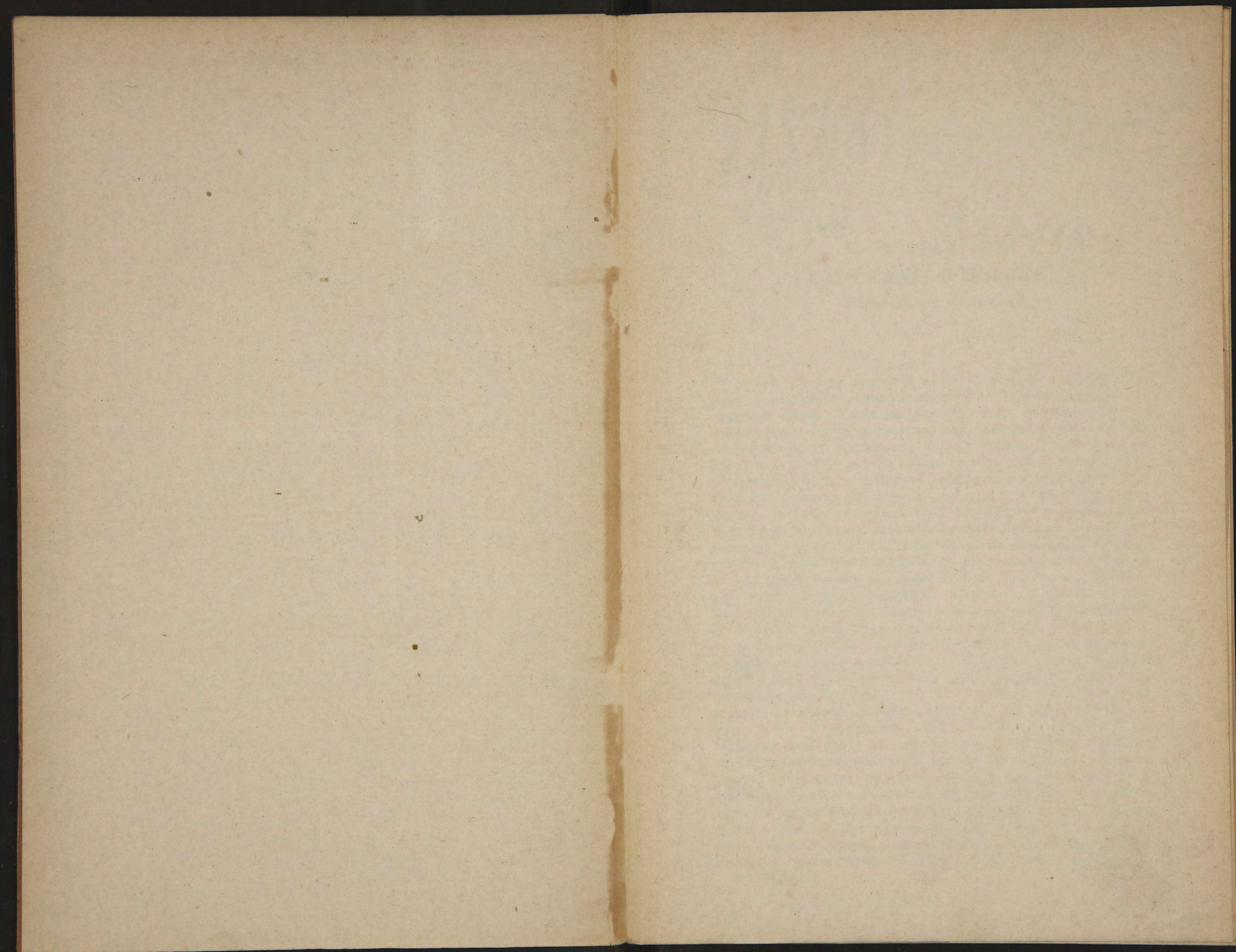

21568.

21568

русск. Бот. 1903, IV

зачит

Дионео

Ирландскій „ледоходъ“.

(Письмо изъ Англии).

1.

Ирландія теперь находится наканунѣ великихъ событій. Близокъ къ разрѣшенію аграрный вопросъ, составляющій основу ирландской жизни. Когда вы читаете теперь ирландскія газеты, предъ вами вырисовывается громадная рѣка ранней весною. Ледъ на ней покрылся трещинами. Черная полоса дороги вздулась буграми. Глухой трескъ не смолкаетъ надъ рѣкой. Кое-гдѣ образовались забереги, въ которыхъ ослѣпительно отражаются лучи весенняго солнца. Но ледъ не трогается. Рѣка стоитъ неподвижно, мертвая, скованная, хотя все вокругъ тысячами головъ возвѣщаетъ нарожденіе новой жизни. Потянетъ случайнымъ холодомъ, и рѣка скована, повидимому, еще сильнѣе. Даже забереги тогда затянутся снова ледкомъ. По вздувшейся дорогѣ тогда съ побѣднымъ карканьемъ, переваливаясь, бродятъ вороны. Онѣ, какъ будто, кричатъ перелетнымъ птицамъ, отъ радостнаго влѣкота которыхъ кипятъ въ воздухѣ: „пр-р-ростойтъ! пр-р-ростойтъ!“ Но вороньи предсказанья не сбываются. Одинъ теплый день, и съ трескомъ ломается ледъ. Напирая другъ на друга, съ характернымъ шуршаніемъ, плывутъ льдины, очищая вольную синюю воду. Правда, случается, что тамъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ загогулину, образуется заторъ. Туда прибываетъ льдины, и поперекъ рѣки образуется крѣпкая, громадная плотина. Рѣка опять скована, но не на долго. Со страшнымъ грохотомъ плотина рушится, и напирющая вода сразу уноситъ уродливыя, громадныя, холодныя глыбы. Нѣкоторыя изъ нихъ, грязныя и рыхлыя, остаются на „лайдѣ“ (песчаныхъ, отлогихъ берегахъ), какъ околѣвшія чудовища. Здѣсь онѣ лежатъ, покуда не растають ихъ безобразныя тѣла отъ жаркихъ лучей ликующаго, весенняго солнца. Радостно бьется сердце во время ледохода. Новая жизнь вливается въ грудь. Великій, чудный, мощный космосъ, частицу котораго составляемъ мы, захватываетъ насъ и щедро поитъ надеждой въ

39

возрожденіе и увѣренностью въ гибель отжившаго, какъ бы дѣлко оно ни держалось...

Исторія имѣетъ свои ледоходы, своихъ воронъ, радующихся тому, что рѣка скована; она много говоритъ про внезапные заторы и про то, какъ въ концѣ концовъ холодныя глыбы гибнутъ, выброшенные на берегъ, подъ жаркими лучами весенняго солнца...

Такой „ледоходъ“ переживаетъ теперь Ирландія. Мнѣ припоминаются мѣткія слова остроумнаго наблюдателя и глубокаго знатока Англій Искандера. „На эту страну,—говоритъ онъ,—находятъ, и довольно часто, періодическіе страхи, и въ это время не попадайся ей ничего на дорогѣ. Страхъ вообще безжалостенъ, беспощаденъ; но имѣетъ ту выгоду за собой, что онъ скоро проходитъ. Страхъ не злопамятенъ, онъ старается, чтобы его поскорѣ забыли“. „Не надо думать,—продолжаетъ нашъ авторъ,—чтобы трусливое чувство осторожности и тревожнаго самосохраненія лежало въ самомъ англійскомъ характерѣ. Это слѣдствіе отлученія отъ богатства и воспитанія всѣхъ помысловъ и страстей на стяжаніи. Робость въ англійской крови внесена капиталистами и мѣщанствомъ, они передаютъ болѣзненную тревожность свою оффиціальному міру, который въ представительной странѣ постоянно поддѣлывается подъ нравы — голосъ и деньги имущихъ. Составляя господствующую среду, они при всякой неожиданной случайности теряютъ голову и, не имѣя нужды стѣсняться, являются во всей безпомощной, неуклюжей трусости своей, не прикрытой пестрымъ и линиялымъ фуляромъ французской риторики. Надобно умѣть переждать; какъ только капиталъ придетъ въ себя, успокоится, — все опять пойдетъ своимъ чередомъ“.

Эти слова, въ значительной степени, являются ключемъ къ пониманію отношенія Англій къ ирландскому вопросу. Они выясняютъ, почему Сити ликовало такъ, когда арестовали Парнелля въ 1881 г., почему Times послѣдовательно являлся непримиримымъ врагомъ „Земельной лиги“, „Плана кампаніи“ и, въ послѣднее время, „Ирландской лиги“.

„Ирландскій вопросъ“ прежде былъ гораздо сложнѣе, чѣмъ теперь. Тогда онъ заключалъ въ себѣ требованіе религіозной терпимости, свободы личности, слова и сходовъ; право на землю, мѣстное самоуправленіе и, наконецъ, самоуправленіе политическое (гомруль). Въ XVIII вѣкѣ, напр., отъ пэровъ и коммонеровъ ирландцевъ требовалась присяга, въ которой отрицался догматъ пресуществленія и заявлялось, что одно изъ основныхъ таинствъ католической вѣры есть „преступное идолослуженіе“. Конечно, ни одинъ католикъ не могъ дать такой присяги и, такимъ образомъ, ирландцы были устранены отъ общественной дѣятельности. Правительство приняло мѣры къ тому, чтобы глубокое невѣжество

было удѣломъ ирландцевъ. „Папистовъ“ не принимали въ общія школы, воспрещали строить свои собственныя и не позволяли отправлять дѣтей въ школы за границу. Въ Англіи законъ еще въ XVII в. охранялъ неприкосновенность личности и семейнаго очага. Въ Ирландіи правительство разрѣшало дѣлать обыски въ частныхъ домахъ во всякое время дня и ночи (подъ предлогомъ, не спрятано-ли оружіе). Восемнадцатый вѣкъ открылся приказомъ о воспрещеніи вѣзда въ Ирландію католическимъ священникамъ и епископамъ. Когда вступила на престолъ королева Анна (въ 1702 г.), протестанты составляли въ Ирландіи одну шестую часть населенія. Имъ принадлежала почти вся земля. Изъ этого класса, по преимуществу, выбирались представители въ ирландскій парламентъ. „Живя среди недовольнаго населенія, они находились въ состояніи вѣчнаго страха и, подъ вліяніемъ послѣдняго, издавали удивительные по своей жестокости законы противъ католиковъ. „Протестантскій гарнизонъ“, какъ кошмара, страшился мысли, что католики когда-нибудь возьмутъ верхъ“ *). Вотъ нѣкоторые изъ изданныхъ тогда законовъ. Папистамъ воспрещалось покупать землю; имъ предписывалось въ завѣщаніяхъ дѣлить землю между всѣми дѣтьми поровну (мѣра, направленная къ тому, чтобы въ Ирландіи были помѣщики только англичане). Если старшій сынъ отрекался отъ католичества, онъ получалъ право на всю землю; кромѣ того, при жизни отца ренегатъ могъ потребовать съ него треть всѣхъ доходовъ. Католикъ могъ снимать землю въ аренду на сроки не больше, чѣмъ на 31 годъ. Онъ не имѣлъ права закладывать свое помѣстье. Папистъ не могъ быть чиновникомъ, офицеромъ, морякомъ, адвокатомъ, не имѣлъ права состоять на городской службѣ. Ему, съ ограниченіями, открыто было только медицинское поприще. Католикъ не могъ быть третейскимъ судьей или опекуномъ. Авглійское правительство воспретило ирландцамъ-ремесленникамъ имѣть больше двухъ учениковъ (кромѣ ткачей). Ирландцевъ изгнали изъ Лимерика и Голуэйя. Они могли отлучаться отъ мѣста жительства только съ паспортомъ. Папистъ имѣлъ право держать только такую лошадь, которая стоитъ не дороже 50 руб. Если ферма, арендуемая ирландцемъ, приносила въ годъ на $\frac{1}{3}$ больше уплачиваемой ренты, то всякій англичанинъ могъ прогнать крестьянина и взять аренду себѣ. Для всего этого достаточно было, чтобы желающій занять ферму далъ показаніе подъ присягой. Англичанинъ, подозрѣвающій, что другой протестантъ снимаетъ ферму для католика, могъ забрать ферму себѣ. Замужняя ирландка, отрекшаяся отъ католицизма, имѣла право на разводъ и могла требовать отъ мужа денежнаго обезпеченія. „Эти законы вторгавшіеся въ частную жизнь, причиняли много несчастій и

*) W. S. Gregg, «Irish History», p. 80.

порождали не малое озлобленіе. Жена, которой надоѣлъ мужъ, и безпутный сынъ отрекались отъ своей вѣры и получали щедрое вознагражденіе за ренегатство“ *).

Но съ особенной строгостью законъ обрушивался на священниковъ. Въ Ирландіи регистрировали 3000 священниковъ. Не „реестровый“ священникъ подлежалъ смертной казни. Епископы совсѣмъ не были внесены въ списокъ. Вакаціи, открытыя смертью кого-либо изъ „реестровыхъ“ священниковъ, не пополнялись. Такимъ образомъ, имѣлось въ виду мало-по-малу воспретить совершенно исповѣданіе католической вѣры. Назначили специальныхъ „охотниковъ за священниками“, которые получали по 500 руб. за cadaго пойманнаго епископа, по 200 руб. за священника или монаха и по 100 руб. за школьнаго учителя. Не реестровые священники и школьные учителя укрывались въ горахъ, въ пещерахъ. При вступленіи на престолъ Георга II, у католиковъ отняли право подавать голосъ на выборахъ.

Англія видѣла тогда въ Ирландіи серьезнаго промышленнаго соперника, и вотъ послѣдовалъ рядъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью захватить рынокъ для себя. При Карлѣ II воспрещенъ былъ ввозъ въ Англію изъ Ирландіи скота, мяса, окороковъ, сыра и масла. Ирландскіе фермеры тогда превратили свои пашни въ луга, завели овецъ и скоро стали доставлять лучшую въ Европѣ шерсть, которая въ огромномъ количествѣ вывозилась въ сыромъ видѣ во Францію и въ Испанію. На сѣверѣ Ирландіи возникли громадныя суконныя фабрики. Возраставшая промышленность возбудила опасеніе въ англійскихъ фабрикантахъ. И вотъ въ началѣ XVIII вѣка ирландцамъ воспретили подъ страхомъ конфискаціи груза и корабля вывозить шерсть за границу или въ колоніи. Англія, такимъ образомъ, заручилась монополіей на лучшую шерсть въ Европѣ, по крайне низкой цѣнѣ: фунтъ шерсти во Франціи стоилъ 2 ш. 6 пен., тогда какъ ирландцы принуждены были продавать свой товаръ въ Англіи по пяти пенсовъ за фунтъ (т. е. за $\frac{1}{6}$ стоимости). Фермеры терпѣли громадныя убытки; но не меньшіе, чѣмъ ткачи. Ихъ было около сорока тысячъ. Законъ, воспретившій вывозъ сукна, вышвырнулъ ихъ на улицу. Оставались еще двѣ отрасли промышленности: постройка кораблей и ткацкое дѣло. Въ XVIII в. въ Ирландіи было еще много дубовыхъ лѣсовъ, которые шли на постройку кораблей; но Англія тоже имѣла свои верфи. И, чтобъ убить корабельное дѣло въ Ирландіи, Англія создала такой законъ: ирландскіе товары можно вывозить только на англійскихъ корабляхъ, при томъ—только въ Англію. Этотъ законъ принесъ разореніе всѣмъ приморскимъ ирландскимъ городамъ. Корабельные плотники, матросы, конопатчики, смолокуры и пр. должны были или

*) *Gregg.* p. 82.

эмигрировать, или обратиться къ земледѣлію. Чтобы убить полотняное производство, Англія обложила громадною пошлиною парусину и крашенныя полотна. Такимъ образомъ, у всей страны остался только одинъ источникъ существованія—земледѣліе. Этотъ бѣглый набросокъ даетъ нѣкоторое представленіе о томъ, почему аграрный вопросъ приобрѣлъ потомъ первенствующее значеніе въ исторіи Ирландіи.

Итакъ, ирландскій вопросъ прежде былъ очень сложенъ; но теперь онъ значительно упростился. Всѣ спеціальныя законы относительно „напистовъ“ отошли въ область преданій. Свобода совѣсти, личности, слова, сходовъ—все это добыто. Законы объ усиленной охранѣ (Coercion Acts), о которыхъ дальше, проносятся лишь порой, какъ циклоны. Въ 1898 г. ирландцы получили широкое мѣстное самоуправленіе. Такимъ образомъ, фактически, ирландскій вопросъ состоитъ теперь изъ двухъ пунктовъ: изъ требованія 1) политическаго самоуправленія (гомруля) и 2) земли.

Перваго пункта я теперь касаться не буду. Какъ извѣстно, десять лѣтъ тому назадъ консервативная партія оказала въ парламентѣ сильное сопротивленіе гладстоновскому биллю. И теперь торійская печать, выставляя радикаловъ пугаломъ въ глазахъ избирателей, укоризненно называетъ гладстоніанцевъ „гомрулерами“. Этимъ консервативная печать желаетъ сказать, что гладстоніанцы унижаютъ достоинство имперіи, желая расчлениить ее. „Что скажутъ колоніи, которыя были такъ лояльны намъ во время войны, если верхъ возьметъ партія умалителей Англіи?“—говорятъ консерваторы. Тѣ, которые слѣдятъ внимательно за событіями англійской жизни, знаютъ, что теперь проектъ гомруля, исходящій отъ консервативной партіи, находится вполнѣ въ предѣлахъ возможности. Что же касается мнѣнія колоній, то приведу здѣсь телеграмму изъ Оттавы (Канада), помѣщенную въ Таймсѣ. „Костиганъ (морской министръ) внесъ резолюцію въ пользу гомруля для Ирландіи; она принята въ парламентѣ 102 голосами противъ 41. За резолюцію подали голосъ и сэръ Вильфридъ Лорье (премьеръ), и Бордэнъ (вождь оппозиціи, т. е. консервативной партіи). Премьеръ оправдывалъ вмѣшательство Канады ссылкой на Южную Африку“ *). Эта телеграмма поставитъ въ немалое затрудненіе консервативную печать, которая восхваляла постоянно „лоялизмъ“ Канады и выставляла Вильфрида Лорье, какъ олицетвореніе настоящаго имперіализма. Авторъ только что вышедшей интересной книги „To-Day and To-Morrow in Ireland“, доказывая необходимость гомруля, пишетъ: „Одинаковыя причины произведутъ одинаковыя послѣдствія. Внѣ сомнѣнія, что колоніи были бы недовольны и мятежны, если бы въ нихъ существовала

*) «Times» 2 апрѣля 1903 г.

такая же система управленія, какъ въ Ирландіи. И если бы Ирландія имѣла полное самоуправленіе, какъ колоніи, она проявила бы такую же лояльность, какъ и онѣ. Повидимому, это мнѣніе раздѣляютъ всѣ премьеры, посѣтившіе Лондомъ лѣтомъ 1903 г. Всѣ они, какъ говорятъ, высказались въ пользу гомруля.. Возраженіе противъ гомруля основано, главнымъ образомъ, на опасности, которую онѣ представляетъ для имперіи. По этому поводу можно сказать слѣдующее. Какъ дѣла обстоятъ теперь, для Ирландіи, въ случаѣ европейской войны, понадобится сильный гарнизонъ, хотя она разоружена. Съ другой стороны, если бы она пользовалась такимъ же широкимъ самоуправленіемъ, какъ и колоніи, у ней были бы такія же основанія, какъ и у послѣднихъ, явиться на помощь метрополіи.. Гомруль измѣнилъ бы сильно Ирландію... Вліяніе католической церкви тогда сильно ослабѣло бы, такъ какъ католицизмъ пришелъ бы въ столкновеніе съ другими силами. Священники, безъ сомнѣнія, попытались бы управлять Ирландіей; но это имъ не удалось бы. Самое большее, произошелъ бы расколъ между городомъ и деревней *).

Такимъ образомъ, теперь „ирландскій вопросъ“ состоитъ, фактически, изъ одного пункта — требованія земли. „Ирландская лига“ и вожди парламентской партіи, какъ Рэдмондъ или Вильямъ О’Брайенъ, отлично знаютъ, что гомруль самъ приложится въ ближайшемъ будущемъ. Они знаютъ, что съ паденіемъ лэндлордизма исчезнетъ въ Ирландіи та партія, которая задавала тонъ парламенту въ борьбѣ съ гомрулемъ; партія, „нагонявшая тѣ періодическіе страхи“, о которыхъ говоритъ Искандеръ. И, зная это, „лига“ отодвинула гомруль на второй планъ. На первый выдвинули вопросъ о землѣ, который теперь, послѣ короткой, но упорной борьбы, находится наканунѣ окончательнаго разрѣшенія.

II.

„Лучшимъ памфлетомъ противъ системы англійскаго владычества въ Ирландіи является сухой отчетъ всенародной переписи, — говоритъ Брэйлсфордъ, авторъ только что вышедшей книги „Some Irish Problems“.—Таблицы, показывающія число переселенцевъ, оставившихъ страну, являются лѣтописью отчаянія, подточившаго мало-по-малу всѣ надежды жизнерадостнаго народа. Въ исторіи англійскихъ колоній статистика эмиграціи показываетъ стремленіе завоевывать новыя страны и желаніе расширить метрополію. Ирландцы отправлялись на западъ, за океанъ, не въ поискахъ за богатствомъ и приключеніями, какъ дѣлали наши соотечествен-

*) Stephen Gwynn. To-Day and To-Morrow in Ireland. Dublin, 1093. р. XIII—XIV.

ники, покинувшіе Англію, потому что у нихъ былъ переизбытокъ энергіи. Ирландскіе переселенцы были изгнанники, а не созидатели имперій... За океанъ ихъ гналъ голодъ. Побудителемъ къ переселенію явился землевладѣлецъ, прогонявшій фермера за неплатежъ ренты. Крестьянинъ строилъ самъ котѣдждъ, осушалъ болото и превращалъ его въ пашню; онъ платилъ свою чрезмерно-высокую ренту (*rack-rent*) и, тѣмъ не менѣе, лѣтъ тридцать тому назадъ помѣщикъ могъ прогнать фермера каждую минуту. Если Ирландія въ то время не совершенно опустѣла, то только благодаря существованію тайныхъ обществъ, боровшихся насиліемъ противъ насилія. Въ послѣдніе годы старые аграрные законы сильно измѣнены; но не настолько, чтобы утолить „земельный голодъ“ ирландскихъ крестьянъ *).

Подъ вліяніемъ „земельнаго голода“ за пятьдесятъ лѣтъ изъ Ирландіи выселилось 3.841,419 человекъ. За десятилѣтній періодъ (1892—1902 г.), какъ показала послѣдняя перепись, Ирландію оставили 433,526 чел. За эти десять лѣтъ населеніе Англій увеличилось на 12%, тогда какъ населеніе Ирландіи уменьшилось на 5%. Явленіе это не обусловлено дѣйствіемъ какихъ нибудь факторовъ, лежащихъ внѣ человѣческаго контроля. „Бѣдность Ирландіи,—говоритъ упомянутый выше авторъ,—зависитъ не отъ свойства почвы, не отъ состоянія міровыхъ рынковъ, не отъ воли самого народа. Она обусловливается только системой землевладѣнія, явившейся результатомъ завоеванія острова. Система эта создана искусственно, законодательнымъ путемъ. И то, что сдѣлано законодателемъ,—можетъ быть измѣнено имъ“. Тюдоры и Стюарты, стремясь къ захвату Ирландіи, отдали землю своимъ сторонникамъ и превратили всѣхъ крестьянъ въ полукрѣпостныхъ. До конца XVIII вѣка католикъ не могъ владѣть ни акромъ той земли, которая когда-то вся принадлежала его предкамъ. Завоеватели не признавали тѣхъ обязанностей землевладѣльца, которыя мы наблюдаемъ въ Англій. Онъ не строилъ избъ, не осушалъ болотъ, не огораживалъ полей. Земельный участокъ пріобрѣталъ какую нибудь стоимость только въ силу работы фермера. „Рента, которую взималъ лэндлордъ,—говоритъ Брэйлсфордъ,—являлась данью, которую Англія позволила ему брать за услуги, оказанныя ей. Помѣщики — были гарнизономъ въ покоренной странѣ, и земельная рента являлась жалованьемъ... Въ теченіе многихъ лѣтъ парламентъ издавалъ аграрные законы для Ирландіи, исходя изъ фатальной ошибки, что земельныя отношенія тамъ такія же, какъ и въ Англій... Въ Англій помѣщикъ сдаетъ въ аренду ферму, тогда какъ въ Ирландіи—только землю. Англійскій землевладѣлецъ, взимая ренту, получаетъ этимъ небольшою процентъ на капиталъ, затраченный имъ и его предшествен-

*) *H. N. Brailsford*, «Some Irish Problems», 1903, p. 24.

никами на улучшение земли и на сооружение построекъ. Ирландскій же помѣщикъ до 1881 г. жалъ тамъ, гдѣ никогда не сѣялъ; онъ бралъ ренту за трудъ, затраченный предшественникомъ фермера; послѣдняго помѣщикъ могъ прогнать каждую минуту, не заплативъ ему ни фартинга за трудъ и улучшения... Вся земельная система можетъ быть охарактеризована только словомъ „грабежъ“. Она вела къ тому, что фермеры привыкли смотрѣть на землевладѣльцевъ не иначе, какъ на исконныхъ враговъ. Земельная система вырыла еще глубже пропасть, созданную различіемъ расъ и религій. Крестьяне видѣли въ законѣ только санкцію несправедливости и тираніи“. Въ то время, какъ въ Англии исторически выработалось глубокое уваженіе къ законамъ, выработаннымъ самимъ населеніемъ, въ Ирландіи, наоборотъ, такимъ же историческимъ путемъ создалась ненависть и недовѣріе къ законамъ, сочиненнымъ завоевателями.

Итакъ, въ теченіе многихъ вѣковъ завоеватели систематически убивали всѣ отрасли промышленности Ирландіи. Единственнымъ подспорьемъ страны осталось земледѣліе. И этотъ фундаментъ экономическаго существованія народа былъ подрытъ дикой аграрной системой. Ирландія много разъ конвульсивно содрогалась, пытаясь сбросить эту систему, разорившую страну и погнавшую за океанъ цвѣтъ населенія. И каждый разъ попытки покончить съ земельной системой переживали, если можно такъ выразиться, правильный циклъ опредѣленныхъ фазисовъ: 1) какія нибудь необычныя причины, какъ, напр., голодъ, создавали аграрное движеніе среди крестьянъ; 2) они требовали отмѣны старой системы земельныхъ отношеній; 3) правительство, подстрекаемое лэндлордами, отвѣчало рѣшительнымъ „никогда“ и для усмиренія движенія издавало спеціальныя законы объ охранѣ (Coercion Acts); 4) движеніе тогда не только не уменьшалось, но принимало бурный, стихійный характеръ; Coercion Acts вызывали убійства, пожары, калѣченье скота, бойкотъ и пр.; 5) правительство уступало и издавало какой нибудь земельный билль для Ирландіи. Но такъ какъ уступка дѣлалась крайне неохотно и такъ какъ недовольные землевладѣльцы оказывали постоянное давленіе на правительство, то реформы являлись всегда только полумѣрой и немного улучшали положеніе дѣль. До тѣхъ поръ, покуда громадная каменная глыба лежитъ неподвижно, къ ней можно пристраивать что угодно; но если она, въ силу какихъ нибудь обстоятельствъ, покатила подъ гору,—никакія силы не удержатъ ее. То же самое можно сказать относительно назрѣвшей реформы. Полумѣра не успокаивала движенія въ Ирландіи, которое послѣ нѣкотораго перерыва, снова начиналось, такъ какъ продолжали существовать создавшія его причины. Тогда намѣченный циклъ повторялся съ удивительной правильностью. Классическимъ примѣромъ можетъ служить исто-

рія земельного билля 1881 — 1882 гг. Убѣжденія и доводы друзей Ирландіи не имѣли никакого вліянія на англійское правительство. Страшный голодъ, невѣроятная нищета — все это нисколько не интересовало правительства, покуда Ирландія страдала терпѣливо. О реформахъ начали говорить тогда, когда голодъ создалъ стихійное движеніе, выразившееся въ аграрныхъ преступленіяхъ. О числѣ ихъ могутъ дать представленіе слѣдующія цифры.

годы.	число преступленій.
1844	6327
1845	8088
1846	12374
1847	20986
1848	14080
1849	14908
1850	10639
1851	9144 *)

Вотъ причины, породившія первый ирландскій земельный билль 1870 г., который имѣлъ цѣлью предупредить только массовыя изгнанія фермеровъ; но онъ остался мертвой буквой. „Земельный законъ 1870 г. нисколько не сократилъ чрезмѣрно высокой ренты,—говоритъ историкъ.— Эта рента взималась такъ же безжалостно, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ, напр., въ Ольстерѣ, даже болѣе безжалостно, чѣмъ прежде. Противъ изгнанія законъ предлагалъ только одну мѣру: землевладѣлецъ долженъ былъ заплатить фермеру за причиненную тревогу. Предполагалось, что эта сумма въ извѣстной степени вознаградитъ фермера за потери. Но въ странѣ, гдѣ всѣ средства къ жизни доставляетъ земля, единственнымъ вознагражденіемъ можетъ быть только такая сумма, которая обезпечила бы изгнанному фермеру существованіе до конца жизни. Говорить въ Ирландіи о вознагражденіи за „тревогу“, причиненную изгнанному фермеру, то же самое, что говорить о вознагражденіи потерпѣвшихъ крушеніе въ открытомъ морѣ за гибель плота, представлявшаго единственную надежду на спасеніе. Затѣмъ, вознагражденіе за убытки присуждали судьи, которые невольно тяготѣли къ землевладѣльцамъ. Судьи привыкли считать, что помѣщикъ имѣетъ право, когда захочетъ, прогнать фермера. Претензіи на вознагражденіе казались судьямъ чѣмъ-то неестественнымъ. Нужно припомнить, что земельная система въ Ирландіи создавалась вѣками. Вся она стремилась къ тому, чтобы сдѣлать лэндлорда всесильнымъ. Адвокаты и судьи были проникнуты идеями, созданными такимъ порядкомъ дѣлъ. Въ силу этого, судьи склонны были оцѣнивать убытки фермеровъ въ ничтожную сумму“ **). Кромѣ этого, по закону 1870 г.

*) *T. P. O'Connor, The Parnell Movement, p. 216.*

***) *Иб., p. 165.*

вознагражденіе имѣлъ право требовать только тотъ фермеръ, котораго изгоняли, хотя онъ аккуратно платилъ ренту. Не смотря на законъ, изгнанія фермеровъ не только не уменьшились, но даже увеличились. Объ этомъ говорятъ слѣдующія цифры:

годы.	число преступленій.
1876	1269
1877	1323
1878	1749
1879	2667 *)

Въ 1879 г. начался въ Ирландіи голодъ вслѣдствіе неурожая картофеля. Попытки обратить вниманіе правительства на бѣдственное положеніе крестьянъ не привели ни къ чему. На запросъ въ парламентъ, секретарь по ирландскимъ дѣламъ отвѣтилъ насмѣшкой. Онъ допускалъ, самое большее, что „въ Ирландіи существуетъ нѣкоторый застой; но положеніе земледѣлія тамъ далеко не въ такомъ плохомъ состояніи, какъ въ другихъ мѣстахъ Соединеннаго Королевства“. „Англійскій министръ произнесъ фразу, которая имѣла самыя серьезныя послѣдствія,—говорить по этому поводу Селливэнъ,—своей рѣчью министръ подписалъ приговоръ лэндлордизму“ (**). Среди фермеровъ началось движеніе, имѣвшее конечной цѣлью освобожденіе отъ лэндлордизма. То были отдѣльныя организаціи въ различныхъ графствахъ. Слил ихъ въ цѣлое одинъ изъ наиболѣе выдающихся ирландскихъ дѣятелей послѣдняго времени—Майкэль Дэвиттъ. Онъ родился въ 1846 г. въ графствѣ Мэйо. Отецъ его былъ фермеромъ. Мальчику было четыре года, когда лэндлордъ изгналъ отца его изъ фермы. Семья переѣхала въ Англию, гдѣ была доведена до необходимости просить милостыню. Сцена изгнанія глубоко врѣзалась въ памяти впечатлительнаго мальчика. Майкэль Дэвиттъ часто возвращается къ ней въ своихъ рѣчахъ. Возражая впослѣдствіи на грубую нападку въ печати (въ 1878 г.), подписанную именемъ архіепископа Макъ-Хэйла,—Майкэль Дэвиттъ говоритъ: „Около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ отца моего прогнали съ фермы, которую онъ снималъ въ приходѣ Стрэйдъ, въ графствѣ Мэйо. Прогнали отца потому, что онъ, вслѣдствіе неурожая, не могъ внести ренту. Послѣдствіемъ этого изгнанія является то, что отецъ мой похороненъ въ Америкѣ, а единственной поддержкой семьи остался я, калѣка (Майкэль Дэвиттъ въ дѣтствѣ былъ отданъ на фабрику, гдѣ потерялъ правую руку), да и то только съ тѣхъ поръ, какъ меня раньше срока выпустили изъ тюрьмы по ticket-of-leave ***). Въ маѣ 1870 г. Майкэля Дэвитта, на основаніи показаній шпіона, арестовали въ Лондонѣ по обвиненію въ подготовленіи возстанія въ

*) *R. Barry O'Brien, The Life of Parnell, v. I, p. 181.*

**) *Sullivan, New Ireland, p. 438.*

***) *D. B. Cashman, Life of Michael Davitt, p. 96.*

Ирландіи. Его присудили къ пятнадцати годамъ каторжныхъ работъ. Изъ этого срока Дэвиттъ отбылъ въ Дартморской каторжной тюрьмѣ семь лѣтъ и семь мѣсяцевъ. Въ декабрѣ 1877 г., вмѣстѣ съ тремя другими феніями, его освободили условно, по такъ называемому ticket-of-leave. Радикальная печать тогда много говорила о томъ, что позорно держать на каторгѣ людей за поступки политическаго характера, въ особенности рѣзко критиковалось правительство, когда товарищъ Дэвитта, Макъ-Карти, внезапно скончался черезъ два дня послѣ освобожденія, на обѣдѣ, который давалъ въ честь освобожденныхъ Парнелль. Въ тюрьмѣ еще Дэвиттъ обдумалъ грандіозный планъ борьбы: именно, объединить всѣ организаціи фермеровъ, которыя, какъ было ему извѣстно, существовали въ различныхъ графствахъ. Суть плана заключалась въ томъ, чтобы поставить организацію на легальную почву. Страданія вслѣдствіе голода въ особенности чувствовались сильно въ западныхъ графствахъ Ирландіи. И здѣсь именно зародились первыя организаціи фермеровъ. Послѣднія сдѣлали даже слабую попытку слить отдѣльныя организаціи. Такова была „Центральная ассоціація для защиты фермеровъ“ (Central Tenants' Defence Association). Она выставила умѣренныя требованія, которыя впоследствии стали извѣстны, какъ „три Ф“. (Постоянство аренды, справедливая рента и свободное право продажи сдѣланныхъ улучшеній; по англійски, всѣ эти требованія начинаются съ буквы Ф: Fixity of tenure, Fair rent, Free sale). Какъ только Майкэль Дэвиттъ вышелъ изъ тюрьмы, онъ тотчасъ же принялся за осуществленіе своего плана, и въ апрѣлѣ 1879 г. явилась мощная организація—*Земельная лига*. „Land League“ имѣла громадное преимущество надъ тайными феніанскими организаціями: ей не предстояло прятаться. Англія признаетъ свободу ассоціацій. Въ силу этого общество, учрежденное съ цѣлью добиться уменьшенія ренты, вполне было согласно съ закономъ,—какъ вѣрно замѣчаетъ Эдуардъ Эрвэ *).

Что же сдѣлало правительство? На требованія „лиги“ оно отвѣтило: „никогда“ и пустило въ ходъ систему устрашенія. Въ ноябрѣ 1879 г. главные вожди лиги (Дэвиттъ, журналистъ Дэйли и адвокатъ Колленсъ) были арестованы за произнесеніе „мятежныхъ рѣчей“. Черезъ нѣсколько дней Парнелль присутствовалъ въ Балла (въ графствѣ Мэйо) на митингѣ, устроенномъ съ цѣлью протеста противъ изгнанія фермеровъ и противъ арестовъ. Одинъ изъ секретарей „лиги“ произнесъ горячую рѣчь, которой собравшіеся бурно аплодировали. Парнелль сидѣлъ неподвижно. Затѣмъ онъ поднялся, поблагодарилъ оратора за „превосходную рѣчь“, но высказалъ опасенія, что она приведетъ его туда же, куда попали Дэвиттъ съ товарищами. Предсказаніе оправдалось.

*) La Crise Irlandaise depuis le fin du XVIII siècle, Paris, 1885, p. 300.

Черезъ три дня оратора арестовали *). Существованіе „лиги“ встревожило до крайности лэндлордовъ. Они оказали давленіе на вице-короля, а послѣдній на правительство съ цѣлью добиться спеціальныхъ законовъ для разгрома аграрнаго движенія. И въ январѣ 1881 г. министерство внесло законъ объ усиленной охранѣ (Coercion Bill). Ирландскіе депутаты употребили всѣ усилія, чтобы отклонить предстоящую мѣру.

Земельная лига, между тѣмъ, разрослась. Средства прибывали въ изобиліи изъ Америки. Чтобы привести въ исполненіе изгнаніе изъ фермъ, правительство должно было каждыи разъ посылать отряды солдатъ и полицейскихъ. И въ такомъ случаѣ рѣшеніе землевладѣльца не всегда приводилось въ исполненіе, потому что войска встрѣчали всюду крестьянъ вооруженными вилами и косами, чтобы помѣшать изгнанію **). Парламентъ принялъ законъ объ усиленной охранѣ въ Ирландіи, не смотря на попытки націоналистовъ устроить обструкцію. (Имъ удалось продолжить одно засѣданіе въ теченіе 49 часовъ). Первымъ примѣненіемъ новаго Coercion Bill—явился вторичный арестъ Майкэля Дэвитта. Поклонники турецкихъ нравовъ и обычаевъ, держащихся кое-гдѣ на континентѣ,—имѣются и въ Англии; но произволу ихъ нѣтъ выхода. Препятствіемъ является гарантія личности, затѣмъ—широкая гласность. Такіе „усмирители“, поэтому, должны эмигрировать въ коронныя колоніи (т. е. такія, гдѣ нѣтъ самоуправленія) и только тамъ могутъ дать просторъ своему произволу. Событія въ Южной Африкѣ свѣжи еще у всѣхъ въ памяти. Законы объ усиленной охранѣ (Coercion Bill), отнимая гарантіи, предоставленныя конституціей,—даютъ возможность такимъ любителямъ произвола широкую возможность развернуться во всю. Нагляднымъ примѣромъ является Ирландія.

Введеніе Coercion Bill 1881 г. развязало руки такимъ агентамъ правительства, какъ Трэйль, Бондъ и Клиффордъ Ллойдъ. „Они неистовствовали всюду,—говоритъ О’Коноръ—стремясь проявить свою жестокость.—Первымъ подвигомъ майора Трэйла было отправиться въ воскресенье въ полицейскій участокъ, гдѣ содержалось нѣсколько человекъ по обвиненію въ аграрныхъ преступленіяхъ. Безъ магистрата, своею собственною властью, Трэйль опредѣлилъ наказанія отъ нѣсколькихъ дней ареста до заключенія на мѣсяць въ смиренный домъ. Когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія суда, рѣшеніе Трэйла отмѣнили. Предсѣдатель, строгій консерваторъ, отмѣняя приговоръ, объявилъ, что „Трэйль поступилъ противозаконно“. Защита сослалась на то, что Трэйль—военный и, какъ таковой, не обязанъ знать законовъ. Между тѣмъ, посаженные въ тюрьму админи-

*) См. Barry O'Brien, Life of Parnell, v. I, p. 196.

**) The Parnell Movement, by T. P. O'Connor, M. P.; p. 214.

стративнымъ порядкомъ отбыли уже свои сроки наказанія. Правительство не наказало Трэйла. Секретарь по ирландскимъ дѣламъ (Форстеръ) сказалъ, что „маіоръ уже достаточно наказанъ тѣмъ, что ему пришлось выступить отвѣтчикомъ въ трехъ дѣлахъ“. Еще больше усердія проявилъ другой усмиритель, Клиффордъ Ллойдъ. „Въ первый же день провозглашенія Coercion Bill, онъ въ Килмаллокѣ приказалъ, чтобы населеніе не смѣло ходить группами по улицамъ. Въ это время проходила процессія, съ музыкой впереди. Ллойдъ велѣлъ полицейскимъ разогнать ее, при чемъ многихъ ранили“*). Ллойдъ дальше приказалъ бить женщинъ, собравшихся на улицѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ арестовали. Полиція обвинила ихъ въ томъ, что онѣ „глумились надъ закономъ“. Женщинъ освободили, потому что въ Ирландіи, даже когда она находится подъ дѣйствіемъ Coercion Bill, все же остается хоть тѣнь законности. При Клиффордѣ Ллойдѣ случаи изгнанія фермеровъ быстро возрасли: до него ихъ было 1732, при немъ—5262. Законъ объ усиленной охранѣ распространили и на Дублинъ, хотя тамъ не было ни одного аграрнаго преступленія. Примѣненіе закона было необходимо для контроля надъ газетами и дѣятелями лиги. Такимъ образомъ, арестовали Джона Диллона. Правительство долго колебалось, арестовать ли Парнелля, на котораго Сити указывало, какъ на главнаго врага Англіи. Наконецъ, Форстеръ сдѣлалъ и этотъ шагъ. „Въ Ирландіи арестъ Парнелля былъ оплаканъ, какъ народное бѣдствіе,—говоритъ очевидецъ. Не смотря на полицію, устроился рядъ митинговъ съ цѣлью протеста. Почти во всѣхъ городахъ въ тотъ день заперли лавки и окна, какъ будто оплакивали чью-то смерть. Вся Ирландія кипѣла негодованіемъ. И это чувство было тѣмъ болѣе сильно, что ему не было выхода: правительство воспретило всякаго рода собранія. Въ Ирландію вызвали войска. Всюду ходили патрули. Чтобы окончательно терроризировать населеніе Дублинъ отдали на два дня въ полное распоряженіе полиціи. „И тамъ тогда произошли сцены жестокости и грубости, о которыхъ еще и теперь,—продолжаетъ авторъ,—невозможно вспомнить безъ негодованія. На главной улицѣ Дублина расположились полицейскіе патрули. Жестоко избивали даже дѣтей, собравшихся посмотреть на констэблей“ **). Жителю континента, даже французу, который создалъ спеціальныя выраженія „passer à tabac“, „filer la pipe“ и „passer à la plume“ для обозначенія грубости полиціи, это негодованіе О’Коннора будетъ неполнѣ понятно. Нужно знать, что Англія, кажется, единственная страна, въ которой населеніе относится къ „бобби“ (полисменамъ) не только безъ раздраженія и озлобленія, но даже любовно. Англійскій „бобби“

*) Letter of Father Sheehy to Parnell, Hansard, v. CCXLI, p. 994.

**) T. P. O'Connor, p. 238.

безусловно лояленъ обществу, подъ контролемъ котораго всецѣло находится. У „бобби“—одна работа: охранять мирныхъ обывателей отъ воровъ и драчуновъ. И нужно отдать справедливость, дѣлаетъ это „бобби“ великолѣпно. „Бобби“ твердо помнитъ, что ему категорически запрещено вмѣшиваться въ „политику“. Только въ Англии можно наблюдать сцену, какую я видѣлъ на Трафальгарскомъ скверѣ три года тому назадъ. Изъ Барцелоны прибыли изгнанные оттуда анархисты. Какъ извѣстно, испанское правительство смѣшало въ одну кучу социалистовъ, радикаловъ, трэджюнионистовъ и прищипило къ нимъ пугающій общество ярлыкъ. Англійскіе друзья изгнанныхъ устроили митингъ въ сердцѣ Лондона. Выступилъ Томъ Мэнъ; хотя и не анархистъ, онъ говорилъ въ защиту барцелонцевъ. Такъ какъ тогда было время „мэфекинговъ“, т. е. патриотическихъ сатурналій, то раздались крики: „про-буръ“, „обличитель отечества“, „въ воду его!“ Томъ Мэнъ страстно заговорилъ противъ войны. Крики усилились. Бродяги и франты въ цилиндрахъ пошли брать платформу штурмомъ. Но безстрастные „бобби“ сомкнулись внизу плечомъ къ плечу, чтобы дать возможность британскому гражданину свободно высказаться, что гарантировано ему конституціей. Въ первый разъ, вѣроятно, анархисты находились подъ подобной защитой. Не то мы видимъ въ Ирландіи. „Нигдѣ традиціи завоевателей такъ крѣпко не держатся, какъ въ рядахъ ирландской полиціи,—говоритъ современный авторъ.—Въ Англии полиція—слуга общества и существуетъ для охраны его. Англійская полиція — не вооруженная гражданская армія. Она содержится на средства, доставляемые плательщиками городскихъ налоговъ, и находится подъ исключительнымъ контролемъ муниципалитетовъ или земскихъ совѣтовъ. Въ Ирландіи, наоборотъ, жандармы (Constabulary)—военная сила, вооруженная скорострѣльными ружьями. Полиція здѣсь находится подъ контролемъ не городскихъ совѣтовъ, а секретаря по ирландскимъ дѣламъ. Жандармы (Constabulary) не слуги, а господа общества. Они являются агентами чуждаго правительства, которое считаетъ ихъ своею главною защитой“ *). Такимъ образомъ, горечь негодованія О’Коннора происходитъ, въ значительной степени отъ того, что онъ оцѣниваетъ дѣятельность усмирителей, какъ Клиффордъ Ллойдъ, съ *англійской* точки зрѣнія...

Арестъ Парнелля вызвалъ всеобщее горе въ Ирландіи; всеѣмъ противоположное впечатлѣніе онъ произвелъ въ Лондонѣ, въ тѣхъ кругахъ общества, которые были всецѣло на сторонѣ лэндлордовъ. „Арестъ Парнелля пробудилъ ликованія въ Сити,—говоритъ другой современникъ.—Восторгъ былъ до такой степени великъ, что можно было подумать, что Англія одержала блестя-

*) *H. N. Brailsford, Some Irish Problems, p. 8.*

щую побѣду. Врядъ ли биржа ликовала бы сильнѣе, если бы получилось извѣстіе о томъ, что непріятельскій флотъ разбитъ въ устьяхъ Темзы“ *).

Вслѣдъ за Парнеллемъ въ Килмэнгэмскую тюрьму привезли другихъ вождей лиги и ирландскаго движенія. Изданъ былъ также приказъ объ арестѣ не разысканныхъ вождей: Хили, Артура О'Коннора, Биггара, прославившагося умѣніемъ вести обструкцію въ парламентѣ. Съ менѣе видными дѣятелями уже совсѣмъ перестали церемониться. Это видно, напр., по тому, какъ обращались съ женщинами, принимавшими участіе въ движеніи. Онѣ образовали „женскую земельную лигу“ (Ladies' Land League). Главная задача ея состояла въ пріисканіи убѣжища для изгнанныхъ фермеровъ. Чтобы разгромить женскую лигу, выискали старинный законъ времени Эдуарда III (XIV вѣка), направленный противъ бродягъ и проституткокъ. Въ силу этого закона произвели массовые аресты. На основаніи его Форстеръ отправилъ въ тюрьму миссъ Макъ Кормакъ на шесть мѣсяцевъ, миссъ Кэркъ—на три мѣсяца, миссъ Рэйнольдсъ—на шесть мѣсяцевъ и пр. **). Противъ дѣтей и подростковъ полиція начала такой же походъ, какъ и противъ женщинъ. Одного мальчика доставили къ магистрату за насвистываніе революціонной пѣсенки,—ужасается историкъ, прилагающій къ событіямъ англійскую, а не континентальную мѣрку. Другого мальчика констэбль обвинилъ, кромѣ того, въ произнесеніи ругательствъ противъ правительства. Какъ выяснилось, „ругательство“ заключалось въ томъ, что мальчикъ пѣлъ пѣсенку „Harvey Duff“, въ которой осмѣивается англійское правительство. Историкъ, еще разъ повторяю, отмѣчаетъ эти факты, которые должны ужаснуть англичанъ, потому что они не только могутъ „насмѣшливо отзываться о правительствѣ“, но у нихъ нѣтъ даже закона *lèse-majesté*. Въ апрѣлѣ 1882 г. „въ Ватерфордѣ полисмэнъ набросился на женщину, читавшую революціонную газету *United Ireland*, бросилъ даму на полъ, наступилъ на грудь и обыскалъ. Въ Кэппаморѣ, въ графствѣ Лимерикъ, жандармъ ранилъ штыкомъ двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, распѣвавшую „Harvey Duff“.

— Правда ли,—спросили въ парламентѣ Хили,—что десятилѣтній Даніэль О'Селливэнъ, котораго въ слезахъ привели къ магистрату, привлеченъ судьей къ отвѣтственности на основаніи закона, изданнаго противъ ночныхъ грабителей (Whiteboy Act)? Правда ли, что преступленіе состояло въ томъ, что Даніэль О'Селливэнъ, днемъ, съ факеломъ въ рукахъ, вопреки закону и нарушая порядокъ, установленный державной волей нашей королевы,—велъ толпу другихъ мальчиковъ? Правда ли, что въ дѣй-

*) *Barry O'Brien*, v. I, p. 317.

**) *T. P. O'Connor*, p. 241.

ствительности дѣти возвращались съ работы: они копали огородъ для больной женщины?

Форстеръ остался недоволенъ „легкомысленностью тона“ оратора. Мальчикъ О'Селливэнъ,—по словамъ министра, — шелъ во главѣ демонстрантовъ въ возрастѣ отъ 12 — 17 лѣтъ. Самому Даніэлю не девять, а одиннадцать лѣтъ *). На ряду съ такими преслѣдованіями увеличилось число изгнаній изъ фермъ. Сторонники правительства доказывали, что нужно проявить „сильную руку“, и все аграрное движеніе исчезнетъ, какъ дымъ. Въ первые три мѣсяца 1881 г. изгнано 1732 фермера, во вторую четверть года—5562 фермера, въ третью четверть — 6496, а въ послѣднюю четверть 3851. За годъ болѣе 17 тысячъ человѣкъ потеряли право на снимаемые ими участки. Всѣ пути, при помощи которыхъ англичанинъ можетъ выразить законнымъ путемъ свой протестъ и свое недовольство, были закрыты. Основываясь на законѣ объ усиленной охранѣ (Coercion Bill), правительство отмѣнило свободу сходовъ, слова. Замирило ли насиліе край? Принесъ ли полицейскій терроръ ожидаемые результаты? Послѣдствія были совсѣмъ не тѣ, которыя предсказывали поклонники „сильной руки“. вмѣсто открытой организаціи, возникли всюду тайныя сообщества. Земельная лига удерживала фермеровъ. Теперь бѣлый терроръ создалъ красный терроръ. Поджоги, калѣченье скота и аграрныя убійства увеличились въ поразительной прогрессіи. Въ 1880 г. было восемь убійствъ и двадцать пять случаевъ стрѣлянія изъ-за угла или изъ-за куста. Въ 1881 г. было 17 политическихъ убійствъ и шестьдесятъ шесть случаевъ стрѣлянія изъ-за куста. При помощи „закона объ усиленной охранѣ“ совершенно не удалось возстановить порядокъ въ Ирландіи, — сказалъ въ парламентѣ въ мартѣ 1882 г. Горстъ.—Судебная статистика показываетъ, что теперь число преступленій удвоилось въ Ирландіи. Правительство должно придумать что нибудь другое, помимо устрашенія **). Вотъ нѣкоторыя цифры, приведенныя Горстомъ. Въ 1880 г. юнгфордскій ассизный судъ разсмотрѣлъ 75 случаевъ аграрныхъ преступленій, тогда какъ въ 1881 — 98. Въ графствѣ Клэйръ въ 1880 г. было 254 аграрныхъ преступленія, а въ 1881 г.—356; въ графствѣ Слайго съ 97 число преступленій достигло 138, въ графствѣ Донигаль съ 645—4105, въ графствѣ Типперарри съ 75—159 и т. д. Любопытно также и то, что въ тѣхъ графствахъ, въ которыхъ сильнѣе всего примѣнялся Coercion Bill, тамъ больше всего было аграрныхъ преступленій. Усмирители, какъ Клиффордъ Ллойдъ, удвоили и утроили случаи такихъ преступленій ***).

*) *Hansard*, v. CCLVIII, p. 888. См. также «The Parnell Movement, О'Коннора», p. 243.

***) *Hansard*, v. CCLXVIII, p. 210.

***) *T. P. O'Connor*, p. 245.

Убѣдившись, что грубая сила абсолютно не годится для уврачеванія общественныхъ язвъ,—правительство пошло на уступки. Явился земельный законъ 1881 г., установившій право фермера на всѣ сдѣланныя имъ улучшения. Законъ имѣлъ цѣлью предупредить изгнанія изъ фермъ. На основаніи „Land Act“ 1881 г. появились спеціальныя судьи, которые опредѣляли размѣръ ренты. Фермеры, разъ въ 15 лѣтъ, получили право обращаться въ судъ съ требованіемъ уменьшить ренту, если считаютъ ее чрезмѣрно высокой. Это право было утверждено и расширено впоследствии земельными актами 1885, 1887 и 1896 гг. Другими словами, земельный законъ 1881 г. далъ фермерамъ тѣ „три Ф“ (Fixity of tenure, Fair rent, Free sale), о которыхъ упомянуто выше. Законъ создалъ двойную систему владѣнія землей. Съ одной стороны, почва принадлежала помѣщику, съ другой, всѣ улучшения—фермеру. Законъ былъ хорошій, но, какъ всякій компромисъ, онъ не разрѣшилъ наболѣвшаго вопроса, а, наоборотъ, создалъ только новыя осложненія. И аграрное движеніе, вмѣсто того, чтобы прекратиться, возникло снова. Намѣченный выше „циклъ“, такимъ образомъ, былъ пройденъ вполнѣ.

III.

Почему же гладстоновскій законъ не устранилъ коренного зла? Прежде всего потому, что фермеры считали землю своею. Система двойного владѣнія землей породила безчисленныя тяжбы. Спеціальныи судъ, The Fair Rent Court, былъ заваленъ жалобами. Судъ этотъ никогда не повышалъ ренты; наоборотъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ до 1900 г. дважды значительно понизилъ ее; но это не измѣнило отношенія фермеровъ къ суду. Нужно знать, что въ Англии исторически выработалось у населенія глубокое уваженіе къ суду, рѣшающему по законамъ, выработаннымъ самими гражданами. Въ Англии нѣтъ того антагонизма между населеніемъ и законами, который мы наблюдаемъ во многихъ мѣстахъ, антагонизма, въ силу котораго населеніе *всегда* становится на сторону подсудимаго или осужденнаго. Взглядъ на осужденныхъ, какъ на несчастныхъ, выработался не столько въ силу природной сердечной мягкости, сколько въ виду глубокаго недо- вѣрія къ нелицепріятію и безпристрастности суда. Напрасно станемъ мы искать въ англійской литературѣ мягкаго, гуманнаго отношенія къ каторжникамъ. Я напому читателямъ добраго, мягкаго Диккенса и отношеніе его къ бѣглому каторжнику въ романѣ „Большія Ожиданія“. Въ Ирландіи мы находимъ совсѣмъ другое отношеніе къ суду. Населеніе *всегда* видитъ въ немъ фор- постъ завоевателей, — судья, по представленію ирландца, всегда пристрастный защитникъ лэндлордовъ; это — правительственный чиновникъ, идущій всегда объ руку съ констэблемъ, шпиономъ и

агентомъ провокаторомъ. „Англійскій магистратъ,—говоритъ цитированный уже авторъ,—анализируетъ показанія и постановляетъ приговоры, зная, что онъ отвѣтственъ лишь передъ собственной совѣстью. Никакая власть не можетъ смѣстить его. Въ Ирландіи магистратъ подчиненъ вице-королю; послѣдній отвѣтственъ не предъ ирландцами, а предъ той или другой политической партіей, пославшей его. Магистратъ самъ принадлежитъ къ классу лэндлордовъ; очень часто это—бывшій земельный агентъ (т. е. управляющій) или же полицейскій чиновникъ, получившій повышение. Что касается присяжныхъ, то вербуются они въ Ирландіи на основаніи діаметрально противоположнаго принципа, чѣмъ въ Англіи. Здѣсь они назначаются для того, чтобы защитить гражданина отъ возможнаго тяготѣнія представителя короны (судьи) къ правительству. Въ Ирландіи присяжные тщательно вербуются среди протестантовъ (т. е. потомковъ завоевателей) именно въ надеждѣ, что они поддержатъ взглядъ правительства на подсудимыхъ-католиковъ. Правда, это касается собственно „политическихъ“ процессовъ, но правительство и не интересуется преступленіями иного рода“ *). Такой взглядъ населенія на судъ не могъ внушить уваженія къ Rent Courts, назначеннымъ по закону 1881 г. для устраненія недоразумѣній между фермерами и землевладѣльцами.

Законъ 1881 г., не смотря на всѣ благія намѣренія, принесъ съ собою только безконечный рядъ процессовъ, которые, въ свою очередь, породили недовольство и новое движеніе. Намѣченный выше циклъ начался сызнова. По внушенію лэндлордовъ, правительство думало разрѣшить все усиленіемъ полиціи. За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ населеніе Ирландіи уменьшилось на половину. За тотъ же періодъ число ирландскихъ жандармовъ (Irish Constabulary) удвоилось. Въ Ирландіи теперь, приблизительно, столько населенія, сколько въ Шотландіи (четыре съ лишнимъ милл.). Между тѣмъ, въ Шотландіи порядокъ поддерживаютъ 4900 полицейскихъ, тогда какъ въ Ирландіи—12320 вооруженныхъ жандармовъ. Въ Шотландіи содержаніе полиціи обходится въ 400,000 ф. ст., въ Ирландіи—1.300,000 ф. ст. Поддержаніе порядка обходится англичанину въ 2 ш. 2 пен., шотландцу—въ 2 ш. 4 п., а ирландцу—въ 7 ш. Между тѣмъ, уголовныхъ преступленій въ Ирландіи меньше, чѣмъ въ Англіи или въ Шотландіи. Въ 1900 г. въ Шотландіи осуждено было за уголовныя преступленія 1840 чел., а въ Ирландіи 1087. Но ирландская полиція существуетъ не для того, чтобы охранять населеніе отъ преступниковъ,—говоритъ одинъ изъ современныхъ наблюдателей. „Задачи ея чисто политическія. Обязанность полицейскихъ—слѣдить за народными вождями, слѣдовать по пятамъ членовъ парламента

*) «Some Irish Problems», p. 7.

и мѣстныхъ политическихъ дѣятелей. Куда пойдутъ послѣдніе, за ними, навѣрное, крадется уже тѣнь шпиона. Если въ деревнѣ соберется нѣсколько человѣкъ, къ нимъ непременно присоединится шпионъ и провокаторъ. Онъ записываетъ рѣчи и, если возможно, пытается подбить крестьянъ на аграрное преступленіе. Когда какойнибудь безжалостный лэндлордъ посылаетъ своего агента, чтобы выгнать какуюнибудь вдову-крестьянку изъ занимаемой ею мурьи на болотѣ,—полицейскіе, съ примкнутыми штыками, охраняютъ агента. Вся громадная полицейская армія, въ дѣйствительности, представляетъ собою не что иное, какъ машину для взысканія ренты и недоимокъ. Кромѣ полиціи, въ распоряженіи правящаго класса имѣются еще и солдаты. Въ Шотландіи квартируетъ 3982 чел., въ Ирландіи—23687 ч.“ *).

Я сказалъ, что циклъ ирландскихъ аграрныхъ движеній повторялся съ необыкновенной правильностью, т. е. за народнымъ движеніемъ слѣдовала попытка со стороны правительства подавить недовольство силой, бѣлый терроръ вызывалъ красный; затѣмъ дѣлалась полууступка. Такимъ образомъ, явился рядъ поправокъ и расширеній законодательства 1881 г. Земельные билли прошли въ 1887 г. (послѣ Plan of Campaign), въ 1891 г. (Irish Land Purchase Bill) и въ 1896 г. Съ 1891 г. въ аграрныхъ ирландскихъ законахъ наблюдается новая черта. Правительство убѣждается въ необходимости радикальной мѣры: выкупа земли. По закону 1896 г. устроенъ былъ родъ крестьянскихъ банковъ, которые покупали у лэндлордовъ цѣлыя вотчины, *улучшали ихъ* и потомъ перепродавали фермерамъ. Арендная плата шла на погашеніе стоимости земли. При этомъ, выкупные платежи были *меньше* той аренды, которую прежде вносили фермеры. Такъ, напр., банкъ, приобрѣлъ громадную вотчину лорда Диллона и продалъ ее крестьянамъ. вмѣсто одного фунта ренты съ акра, какъ прежде, крестьяне платятъ теперь банку 13 шил., и, на придачу, черезъ извѣстное количество лѣтъ, земля станетъ собственностью фермеровъ. Государство отпустило въ 1896 г. на выкупъ земли 33 милліона ф. ст. Въ общемъ, 62 тысячи крестьянъ сдѣлались собственниками. Они аккуратно вносятъ казнѣ выкупные платежи. Почему же остальные 400,000 ирландскихъ крестьянъ не воспользовались закономъ 1896 г.? Потому, что многіе лэндлорды отказались продать свои помѣстья. Типичный примѣръ мы увидимъ дальше, а теперь приведу нѣсколько цифръ. Я сказалъ, что по закону 1881 г. фермеры могли требовать отъ суда разъ въ 15 лѣтъ „справедливую“ ренту. Съ тѣхъ поръ рента была уменьшена дважды. Подробности видны изъ слѣдующей таблицы. **)

*) «Essays on Irish Subjects», Dublin, 1903 г., p. 197—198.

**) The New Volumes of the Encyclopaedia Britannica, v. XXIX, 1902 p. 554.

	Число хозяйствъ.	Размѣры въ акрахъ.	Прежняя рента.	Рента, умень- шенная судомъ.	На сколько % уменьше- на рента,
Первое требованіе объ уменьшеніи ренты.	328,720	9,859,970	6,725,049	5,325,740	20,8%
Второе требованіе	52,396	1,432,615	858,980	666,108	22,4%

Такимъ образомъ, рента была уменьшена дважды. Въ сравне-
ніи съ условіями 1881 г., фермеры платятъ теперь меньше на
20,8—43,2%. Слѣдующая таблица показываетъ, въ какой степени
воспользовались фермеры въ различныхъ провинціяхъ Ирландіи
законами о приобрѣтеніи земли черезъ посредство крестьянскаго
банка (Congested Districts Board): *)

Провинціи.	По законамъ 1885 -- 1900 гг.				По законамъ 1891 — 1900 гг.				Общій итогъ сеудъ.	
	Просили число фермер.	Выдана число фермер.	ссуда. судъ.	ссуда. судъ.	Просили число фермер.	Выдана число фермер.	ссуда. судъ.	ссуда. судъ.		
Лейнстеръ.	5,062	2,758,639	4,222	2,358,183	6,084	2,599,400	4,117	1,793,327	8,339	4,151,510
Мюнстеръ.	5,893	3,637,301	5,204	3,222,056	5,940	2,664,859	4,195	1,826,430	9,399	5,048,486
Ольстеръ.	14,528	4,171,513	12,954	3,749,421	12,426	2,758,336	8,406	1,955,886	21,360	5,705,307
Коннаутъ.	3,426	799,342	2,988	662,980	5,053	962,429	2,509	508,574	5,497	1,171,554
	28,909	11,366,795	25,368	9,992,640	29,503	8,985,024	19,227	6,084,217	44,595	16,076,857

Эта таблица показываетъ, что изъ 33 мил. ф. ст., отпущенныхъ
въ 1896 г. на выкупъ земли, израсходовано меньше половины.
Объясняется это не тѣмъ, что крестьянскій банкъ (Congested
Districts Board) неохотно выдаетъ ссуды, а тѣмъ, что нѣтъ лэнд-
лордовъ, согласныхъ продавать землю. Поэтому понятно, почему
„Ирландская лига“, о возникновеніи и дѣятельности которой я
писалъ уже года два тому назадъ,—первымъ пунктомъ выставила
принудительный выкупъ земли. „Лэндлорды, продавшіе вотчины,—
говоритъ Брэйлсфордъ,—абсентеисты, поспѣшившіе развязаться
съ землей, чтобы помѣстить свои капиталы въ другихъ источни-
кахъ дохода. Помѣщики, жившіе рентой, не стали продавать
вотчины, хотя положеніе ихъ не завидно. Судъ уменьшалъ
арендную плату, подчасъ, на 43%. Впереди—новыя пониженія
ренты. Судебные процессы поглощаютъ доходы помѣщика, а безре-
рывныя аграрныя волненія грозятъ самому источнику доходовъ“.
Не нормально также и положеніе фермеровъ. Законъ 1896 г.
создалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, небольшой классъ привилегиро-
ванныхъ фермеровъ (62 тысячи). Поясненіемъ является положеніе
фермеровъ на двухъ смежныхъ вотчинахъ: лорда Диллона и
лорда Дефрейна (въ графствѣ Мэйо). На землѣ лорда Диллона
жило 4000 крестьянъ. Помѣщику надоѣли вѣчные споры, и онъ
продалъ свою землю крестьянскому банку, который поправиль-

*) Ibidem.

усадыбы, провелъ новый дренажъ, а затѣмъ отдалъ вотчину фермерамъ. Они платятъ уменьшенную противъ прежняго на 33% ренту, при чемъ, черезъ 49 лѣтъ, земля станетъ ихъ собственностью. Банкъ провелъ новыя дороги, выстроилъ, вмѣсто прежнихъ избъ, чистенькіе котѣджи, превратилъ въ пашни луга, далъ ссуду на покупку скота. Благосостояніе вотчины сразу поднялось. Рядомъ съ этой землей находится вотчина Дефрейна, который отказался уступить ее банку. Фермеры не могутъ понять, почему сосѣди платятъ 13 ш. 4 п. и будутъ имѣть свою землю, тогда какъ они платятъ Дефрейну 1 ф.? Черезъ дорогу фермеры живутъ въ новыхъ, чистенькихъ домикахъ, тогда какъ на землѣ Дефрейна избы, сбитыя изъ высохшихъ земляныхъ кирпичей. Все это повело къ сильнымъ волненіямъ на землѣ Дефрейна. Предъ нами только единичный примѣръ. Подобныхъ ему много въ Ирландіи. Вотъ почему лозунгомъ крестьянскаго населенія здѣсь сдѣлался принудительный выкупъ земли. „Ирландская лига“ находила сторонниковъ не только тамъ, гдѣ зарождались постоянно націоналистическія движенія, но и въ провинціи, заселенной фермерами-протестантами, потомками завоевателей края. И въ этотъ разъ, подъ влияніемъ крупныхъ лэндлордовъ, изъ которыхъ главные—члены кабинета, министерство думало сперва подавить движеніе терроромъ; но прежнія реформы дали возможность фермерамъ дѣйствовать на чисто-законной почвѣ. Въ Ирландіи не было ни тайныхъ сообществъ, ни аграрныхъ преступленій, которыя дали бы предлогъ ввести законъ 1887 г. объ усиленной охранѣ (Irish Crimes Bill). Тогда выступили агенты подстрекатели. Они взялись подготовить „смуту“. О дѣятельности одного изъ нихъ—Шерридана—много говорилось въ парламентѣ въ прошломъ году. Шерриданъ раскрылъ цѣлый рядъ аграрныхъ преступленій. Онъ обвинилъ шестидесятилѣтняго бродягу Райана въ томъ, что тотъ приклеилъ угрожающую прокламацію къ воротамъ фермера, снявшаго землю, съ которой прогнали прежняго владѣльца. Шерриданъ раскрылъ, что нѣкто Брэй поджегъ изъ мести скирдъ у фермера. Брэй отправили въ каторжныя работы, гдѣ онъ умеръ. Въ округѣ было нѣсколько случаевъ искалѣченья скота помѣщиковъ. Шерриданъ раскрылъ, что хвосты коровамъ отрѣзывалъ нѣкто Макъ-Гуэнь, котораго присудили къ каторжнымъ работамъ на два года. Тотъ же неутомимый Шерриданъ нашелъ фермера Мерфи, который, по словамъ полицейскаго, убилъ корову помѣщика. Процессъ Макъ-Гуэна интересенъ. Такъ какъ калѣченье скота помѣщиковъ въ Ирландіи—политическое преступленіе, то присяжныхъ католиковъ отвели. Адвокатъ, видя составъ присяжныхъ, посоветовалъ подсудимому признать себя виновнымъ, чтобы получить снисхожденіе. Такъ Макъ-Гуэнь и сдѣлалъ. Впослѣдствіи выяснилось, что всѣ осужденные—невиновны. Райанъ—полуслѣпой идиотъ. Скирдъ сѣна, за поджогъ котораго осу-

дили Брэйя, подпалилъ Шерриданъ. Онъ же самъ отрѣзалъ хвосты скоту и убилъ корову, за которыхъ осудили Мэкъ-Гуэна и Мерфи. Шерриданъ получилъ возможность скрыться въ Америку. Правительство не рѣшилось требовать его выдачи. Осенью 1902 г. Вильямъ О'Брайенъ указалъ въ парламентѣ на дѣятельность другого провокатора Селливана, который послалъ одному молодому фермеру деньги и письмо, будто бы, отъ имени „Ирландской лиги“, подговаривая свершить политическое убійство. Законъ объ усиленной охранѣ всетаки ввели, не смотря на отсутствие аграрныхъ преступленій. „Coercion Act“ ввели прежде всего въ графствахъ Мэйо и Роскоммонъ. Населенія здѣсь столько же, сколько въ Кумбэрлэндѣ или въ Монмутширѣ. Въ 1901 г. въ Мэйо и Роскоммонѣ осуждено всего 123 человѣка, а въ Кумбэрлэндѣ—283. Что же касается Монмутшира, то осужденій тамъ было 580. Такимъ образомъ, число преступленій оправдывало бы примѣненіе закона объ усиленной охранѣ не въ ирландскихъ, а въ англійскихъ графствахъ. Въ апрѣлѣ 1902 г. „Crimes Act“ ввели еще въ девяти ирландскихъ графствахъ. Когда же парламентъ закрылся, и правительство, такимъ образомъ, перестало страшиться непрерывныхъ запросовъ, подъ усиленную охрану отдали всѣ графства съ кельтскимъ населеніемъ и городъ Дублинъ. Въ январѣ 1902 г. ирландскій генераль-атторней (правительственный юрисконсультъ), на запросъ въ парламентъ, отвѣтилъ: „Въ Ирландіи теперь нѣтъ серьезныхъ преступленій“. Онъ категорически опровергъ „безстыдную ложь“ нѣкоторыхъ газетъ, бывшихъ въ набатъ по поводу „анархіи въ Ирландіи“.

„Что же имѣло правительство въ виду, вводя „Coercion Act“, если въ Ирландіи не было аграрныхъ преступленій?—говоритъ Брэйлсфордъ. Цѣль вполне понятна. Ирландская лига выставила первымъ пунктомъ своей программы принудительный выкупъ земли. Мѣра эта—рѣшительная; но въ ней такъ мало „мятежнаго“, что коммонеръ Рессель, занимавшій правительственный постъ, высказался за нее“. Крупные помѣщики требовали отъ правительства заявленія, что лига—противозаконное сообщество. Въ министерствѣ образовался расколъ. Болѣе умѣренные члены кабинета, какъ Уиндгэмъ, не рѣшались выступить противъ лиги. Пять лэндлордовъ, тоже входящихъ въ составъ кабинета, настаивали на примѣненіи крутыхъ мѣръ. Они заручились содѣйствіемъ *Таймса*. Партія крупныхъ помѣщиковъ, оказывавшая давленіе на министерство, дѣйствовала открыто. Въ апрѣлѣ 1902 г. два вождя „непримиримыхъ“ помѣщиковъ (лордъ Клонброкъ и Смитъ-Барри) издали манифестъ, приглашая всѣхъ ирландскихъ землевладѣльцевъ образовать новый трестъ съ цѣлью самообороны. Еще черезъ недѣлю опубликована была программа новаго сообщества за подписью, между прочимъ, двухъ членовъ министерства. Сообщество помѣщиковъ посовѣтовало лорду Дефрейну не продавать

землю фермерамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ вотчинѣ его выселяли при помощи вооруженной полиціи крестьянъ изъ фермъ. Помѣщикъ сдавалъ землю фермерамъ, соглашавшимся платить какую угодно ренту. Крестьяне тогда прибѣгли къ своему испытанному средству—бойкоту. Рессель рассказываетъ, какъ обошелъ весь Лимерикъ въ тщетныхъ поискахъ извозчика, который повезъ бы его къ фермеру за 17 верстъ отъ города. Фермеръ былъ подъ „бойкотомъ“. Когда у него умерла жена, нельзя было найти людей, которые повезли бы тѣло на кладбище или выкопали бы могилу. Все это сдѣлали полицейскіе. Coercion Act нисколько не защищалъ фермера. По этому закону подлежатъ наказанію всѣ подговаривающіе къ бойкоту. Но ирландскіе крестьяне знаютъ, какъ дѣйствовать по молчаливому соглашенію. Является фермеръ подъ бойкотомъ въ церковь, всѣ молящіеся уходятъ. На базарѣ у него никто не покупаетъ; съ его дѣтьми никто не играетъ. Въ то же время нѣтъ никакого насилія, которое могъ бы покарать законъ.

Пресса крупныхъ землевладѣльцевъ требовала все болѣе и болѣе суровыхъ мѣръ отъ правительства. Times громилъ виновниковъ смуты и вопилъ, что если „Ирландскую лигу“ не запретятъ,—будетъ всеобщій пожаръ. Введеніе Coercion Act отмѣнило гарантію личности. Ирландскія тюрьмы наполнились. Правительство, въ особенности, забирало выборныхъ представителей общества, потому что тюремное заключеніе отстраняло ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ дѣятельности. Въ разныхъ тюрьмахъ очутилось около 12 коммонеровъ-ирландцевъ. Правительство разгромилло три газеты. Чтобы удобнѣе справляться съ вождями лиги, правительство выискала старинный законъ Эдуарда III (XIV вѣка). Хотя въ немъ говорится о „бездѣльникахъ и бродягахъ“, но его примѣнили къ муниципальнымъ совѣтникамъ и коммонерамъ. Безъ всякаго сомнѣнія, аграрный циклъ повторился бы вполне, т. е. правительственный терроръ возродилъ бы тайныя сообщества „лунныхъ ребятъ“, „непобѣдимыхъ“ и пр. Но, съ одной стороны, въ министерствѣ нашлись благоразумные люди, могущіе предвидѣть событія. Съ другой, большинству ирландскихъ помѣщиковъ надоѣла вѣчная борьба: они рады были раздѣлаться съ землей и бѣжать куда-нибудь. Во главѣ этихъ помѣщиковъ стали лорды Денрэвенъ и Мэйо. Они устроили плебисцитъ среди землевладѣльцевъ, при чемъ большинство высказалось за выкупъ земли. Трестъ крупныхъ помѣщиковъ остался безъ поддержки. И тогда съ поразительной быстротой, которая возможна только въ Англии, гдѣ слово „Revolution“, по мѣстной поговоркѣ, пишется безъ буквы R (Evolution), наступила оттепель. Всѣхъ политическихъ заключенныхъ въ Ирландіи выпустили, Coercion Act отмѣнили, а вмѣсто него министерство внесло въ парламентъ грандіозный билль о выкупѣ

земли. Начался „ледоходъ“: система, продержавшаяся почти восемь вѣковъ, распалась.

IV.

Въ общихъ чертахъ новый билль заключается въ слѣдующемъ *): на основаніи его, 400 тысячъ арендаторовъ становятся собственниками. На выкупъ земли понадобится сто милліоновъ ф. ст. Кромѣ того, чтобы поощрить помѣщиковъ разстаться съ землей, имъ выдается еще „премія“ въ 12 милліоновъ ф. ст. Помѣщики получаютъ не выкупныя свидѣтельства, а наличныя деньги. Выкупныя платежи фермеровъ *меньше* арендной платы, которую они вносятъ теперь. Мы видѣли уже, что земельныя суды съ 1881 г. дважды уменьшали арендную плату. Теперь послѣдняя опять уменьшается (на 10 — 30%, если рента сбавлена дважды и на 20—40%, если рента разъ сокращена), фиксируется и составляетъ размѣръ выкупнаго платежа. Такимъ образомъ, если фермеръ платитъ теперь 100 ф. ст. аренды, ежегодный выкупной платежъ будетъ отъ 90 до 70 ф. ст. Стоимость фермы исчисляется такъ, что арендная плата принимается за $3\frac{1}{2}\%$. Выкупъ будетъ законченъ совершенно въ 68 $\frac{1}{2}$ лѣтъ.

Въ биллѣ крайне важна одна черта, являющаяся шагомъ къ націонализациі земли: $\frac{7}{8}$ денегъ, вносимыхъ фермерами государству, составляютъ *временный платежъ*. Черезъ 68 $\frac{1}{2}$ лѣтъ онъ прекратится, но $\frac{1}{8}$ будетъ продолжаться постоянно. Другими словами, это значить, что фермеры на $\frac{7}{8}$ становятся собственниками земли. Извѣстное право ($\frac{1}{8}$) остается за государствомъ. Эта мѣра, говорятъ, между прочимъ, принята съ цѣлью предупредить переходъ земли въ руки деревенскихъ ростовщиковъ, какъ въ Индіи.

Въ сдѣлку входятъ не отдѣльные фермеры съ помѣщиками. Государство черезъ посредство особыхъ посредниковъ (Estates Commissioners) покупаетъ цѣлыя вотчины, *улучшаетъ ихъ*, если нужно, затѣмъ продаетъ уже фермерамъ. Крестьяне *общей группой*, если захотятъ, могутъ сами сговариваться съ помѣщиками, но проектъ договора долженъ поступить на утвержденіе посредниковъ. Государство покупаетъ не только обработанную землю, но и луга, которые снова превращаетъ въ пашни и продаетъ ихъ *изгнаннымъ* фермерамъ. Послѣднимъ на устройство хозяйства ассигнуется сумма не больше, чѣмъ въ 500 ф. ст. Впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ—и 1000 ф. ст. Помѣщики, разставшіеся съ землей, получаютъ, кромѣ стоимости ея, премію въ зависимости отъ оцѣнки ея. Если стоимость продаваемой земли

*) Мнѣ приходится здѣсь повторять отчасти то, что уже сказано мною въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 80, 1903 г.)

5000 ф. ст., то помѣщикъ въ видѣ преміи получаетъ 15% этой суммы, если 20 тысячъ ф. ст., то 10%; если 40 тысячъ ф. ст., то—6%. Если же вотчина оцѣнена въ сумму выше 40 тысячъ ф. ст., то премія равняется 5%. Эта премія замѣнила въ биллѣ принципъ *принудительной* продажи. Деньги на выкупъ земли получаютъ путемъ государственнаго займа. Бумаги отверженнаго государственнаго долга идутъ теперь на биржѣ въ 90 (до войны 114). Заключить заемъ теперь значило было еще больше понизить государственную ренту. Но такъ какъ весь выкупъ не можетъ быть произведенъ сразу, то въ первые три года, по расчетамъ, понадобится не больше, чѣмъ по пяти милл. ф. ст. Помѣщикамъ оставляютъ ихъ усадьбы. Начало выкупа въ ноябрѣ этого года.

„Предъ нами двѣ альтернативы, — закончилъ министръ, внесшій билль въ парламентъ, — мы можемъ затянуть еще на 100—150 лѣтъ трагедію, продолжающуюся уже восемь вѣковъ; мы можемъ также, рѣшивъ аграрный вопросъ, сдѣлать Ирландію счастливой и спокойной“. Сами ирландскіе коммонеры покуда не высказались по поводу билля, который будетъ разсматриваться лѣтомъ. Оцѣнку новаго закона сдѣлаетъ „ирландскій конвентъ“, который соберется въ концѣ апрѣля. Другіе критики высказались по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ. Иныя замѣчанія очень интересны. Чѣмъ правительство гарантировано, что крестьяне будутъ аккуратно вносить платежи? На этотъ вопросъ докладчикъ билля въ парламентѣ отвѣтилъ, что гарантій нѣсколько: 1) министръ финансовъ всегда можетъ урегулировать ссуды, выдаваемые каждому графству такъ, чтобы онѣ не превышали поступающихъ платежей. Если крестьяне не будутъ аккуратно вносить платежи, министръ финансовъ уменьшитъ ссуды другимъ крестьянамъ, которые земли еще не купили. 2) Гарантійей въ полную сумму является купленная земля. 3) Есть еще одинъ факторъ, значеніе котораго не слѣдуетъ уменьшать: гарантія моральная. Фермеры до сихъ поръ оказываютъ нравственное давленіе на своихъ товарищей, заставляя ихъ быть аккуратными. Среди многихъ тысячъ фермеровъ, пріобрѣвшихъ землю по закону 1896 г., нѣтъ ни одного недоимщика. Экономистъ де-Уокеръ, авторъ известной и въ Россіи книги *Австралійскія Демократіи*, разсматривая доводы докладчика, говоритъ, что они солидны лишь на первый взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, — пишетъ онъ, — „я не могу вѣрить, чтобы правительство, ответственное за сохраненіе порядка и спокойствія въ Ирландіи, имѣло бы безуміе отказать въ ссудѣ потому, что есть недоимщики. То же самое можно сказать и о гарантіи, представляемой землей. Нѣтъ сомнѣнія, правительство не станетъ выгонять фермеровъ, чтобы отдать ихъ землю другимъ. Что касается моральной гарантіи, то это факторъ дѣйствительно серьезный; но крестьяне будутъ считаться съ нимъ только тогда, когда

платежи придется вносить правительству, избранному самимъ населеніемъ. Англійскихъ чиновниковъ ирландскіе фермеры считаютъ постороннимъ и враждебнымъ элементомъ. Такимъ образомъ, выкупъ земли логически поведетъ за собою другую реформу: назначеніе ирландской центральной власти, облеченной отвѣтственностью за внутренній порядокъ въ странѣ и получающей свои полномочія отъ самаго ирландскаго народа“ *). Другими словами, для успѣшнаго выполненія аграрной реформы въ Ирландіи понадобится мѣстное политическое самоуправленіе, т. е. томруль. Выводъ этотъ до такой степени очевиденъ, что въ послѣднее время вся пресса говорила, что министерство намѣрено распустить осенью парламентъ и обратиться къ избирателямъ за полномочіями на проведеніе широкой реформы въ Ирландіи. Толки эти теперь опровергнуты оффиціально; но въ свое время торійское министерство опровергало, что оно намѣрено ввести земскую и муниципальную реформу въ Ирландіи (Законъ этотъ прошелъ въ 1898 г.).

Во всякомъ случаѣ „ирландскій ледоходъ“ свидѣтельствуетъ о слѣдующемъ. Никакія реакціонныя силы не въ состояніи задержать реформы, разъ необходимость ея создана историческими условіями. Никакія полумѣры не могутъ разрѣшить назрѣвшаго вопроса. Тормозящія силы, стремящіяся остановить покотившійся камень, могутъ прибавить букву *R* къ слову „Evolution“.

Діонео.

Стамбуловъ и Каравеловъ.

(Личныя воспоминанія).

Осенью 1894 года, когда я получилъ возможность бесѣдовать съ Стамбуловымъ и Каравеловымъ, первый изъ нихъ находился подъ слѣдствіемъ за оскорбленіе болгарскаго князя Фердинанда и, кромѣ того, съ часу на часъ ожидалъ серьезнаго судебнаго преслѣдованія за свою правительственную дѣятельность, такъ какъ вопросъ объ этомъ уже былъ поставленъ въ народномъ собраніи на очередь, а второй въ качествѣ политическаго арестанта отбывалъ наказаніе въ государственной тюрьмѣ „Черная Джамія“, какъ осужденный по дѣлу объ убійствѣ министра Бельчева. Въ прошломъ этихъ выдающихся людей было много общаго. Ихъ послужной списокъ можно составить, пользуясь почти одними и тѣми же выраженіями; разница лишь въ датахъ.

*) *The Speaker*, April, 4, 1903, p. 17.

